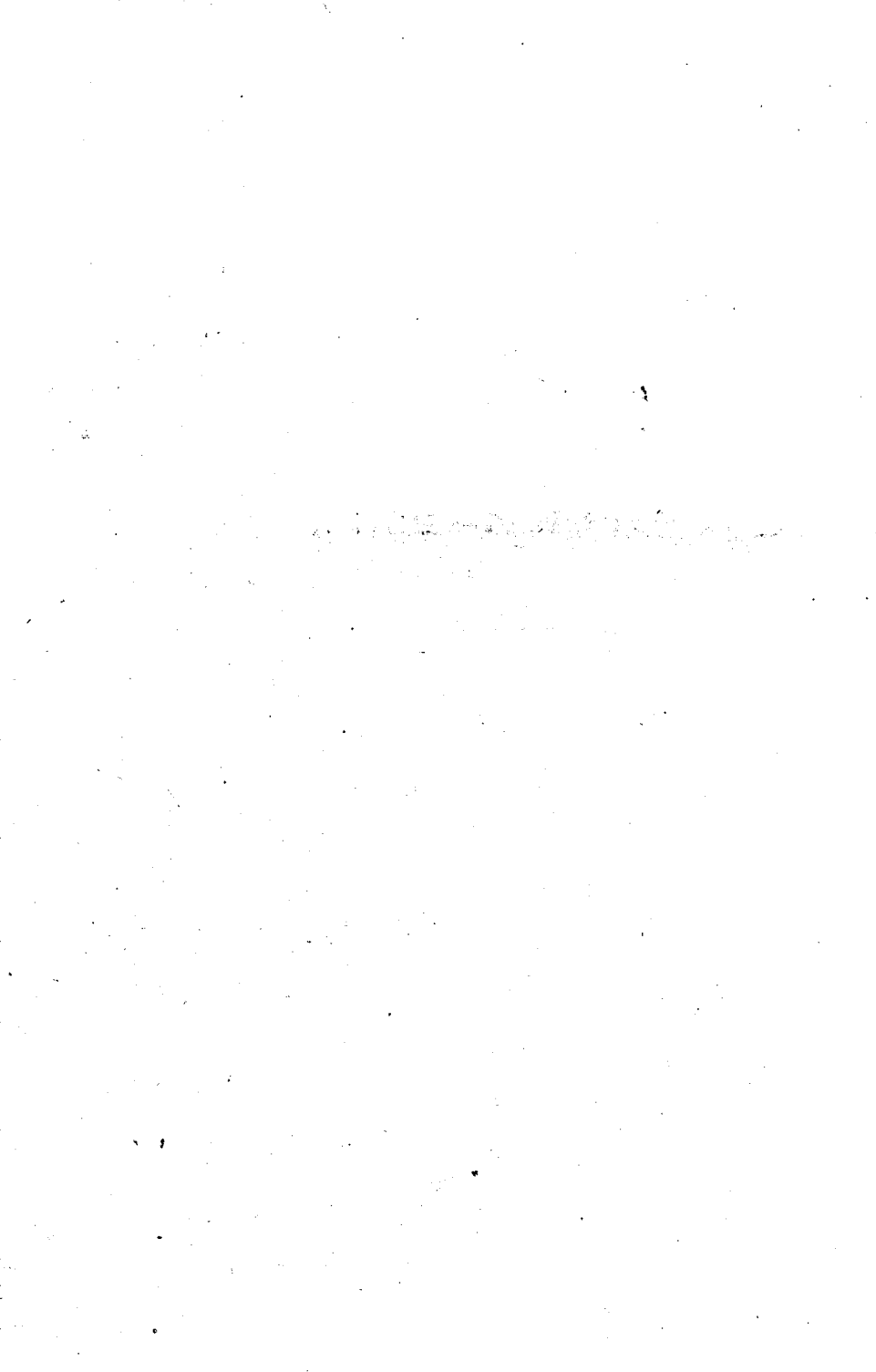

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Т О М Ъ XII.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1829.

П Е Ч А Т А Н О
по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще позволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ бытъ Издашелями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде опѣзда пригосовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чшобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи оспался недоверченнымъ. Въ первыя минушы ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія чепырехмѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной пошери, когда мысли тѣхъ, кои досель его оплакивають, не могли бытъ заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для соспавленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время, чшобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Опъ сего и опъ нѣкоторыхъ другихъ, неважныхъ для Публики обстоятельствъ, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ нешерпніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представлялся Читаателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первые четыре Главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По спранию, достойному замѣчанія спеченію обстоятельству, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быспро склонился къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой паденіе. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можешь быть только не достаешь конца, чтобы быть совершеннѣйшимъ, Читаатели умѣющие цѣнить изящное найдутъ все, что по справедливости пѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать оплечительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго шворенія: не-

обыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неупоминимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Авшора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя такъ сказать оживотворяющъ разсказъ Историка, искусство поддерживающъ и пробуждающъ вниманіе красотою ошдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывающъ давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не перескакая судить о нихъ, означая ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василя Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствія прерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

Дм. Б.

И С Т О Р І Я

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Г. 1606 — 1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обна-
родованныя грамошы. Възчачіе. Опалы. Неудовольствія.
Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость
Марины. Рѣчь Пословъ Липовскихъ. Посольство къ Си-
гизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азією. Мятежи въ
Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедимитрій. Бо-
лошниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Лянуновъ.
Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники, подъ Москвою.
Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лженеиръ. Осада Калуги.
Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе
Іова. Храбрость Болонникова. Побѣда Романова. Муже-
ство Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблестъ
Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедими-
трія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Успавъ во-
инскій.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, происходя Г. 1606.
въ осьмомъ, колѣнѣ оцъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о Великомъ Родъ Васи-
Княжествѣ, былъ внукомъ ненависнаго Оли- ліевъ.

Г. 1606. гарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убишаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лодѣ (1).

Свойства
новаго Царя.

Если всякаго Вѣнценосца избраннаго судяшь съ бѣльшею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если опѣ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависпм: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на пронѣ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели опечесствомъ единомушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель, Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ бытъ только впорымъ Годуновымъ: лицомъромъ, а не Героемъ добродѣтели, копорая бываетъ главною силою и Власшипелей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хипростѣ

и неустрашимость, всегда пламенная для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василию: онъ спрдадь за опечесство и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, споль удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ (2); съ наружностію невыгодною (будучи росна малаго, подслѣ, несановитъ и лицемъ смугль; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣтые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостию, умѣлъ, какъ Вельможа, снискашь любовь гражданъ (3), честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Пресполь явиль для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость опъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но пресполь же явиль для потомства и чрезвычайную твердость души Василиевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горестъ Державства

Г. 1606. несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Клятва
Василіева.

Онъ хопѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хопѣлъ угрожаешь Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнилъ Россію новоспѣю важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дополъ неслыханную: 1) не казнишь смертію никого безъ суда Боярскаго, испиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишаешь имѣнія, но оставляешь его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣстахъ требоваешь прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказываешь клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо (4). „Мы желаемъ“ (говорилъ Василій), „чтобы православное Христіанство наслаждалось миромъ и тишиною подъ нашею Царскою хранишельною властію“ — и велѣвъ чишаешь грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловаль преспѣ въ удостовѣреніе, что исполнишь его добросовѣстно. Симъ священнымъ общомъ мыслилъ новый Царь избавишь Россіянъ опъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка:

опъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опаль, Г. 1606. соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслиль, въ годину смяшеній и бѣдствій, дасть гражданамъ по благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Впорой. Но вмѣсто признашельности, многіе люди, знашные и незнашные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, успавленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ кляшву (5). Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы ширанства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власнѣ Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея спѣшенія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ склоннымъ къ Аристократіи (6), и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщаль забыть всякую личную вражду, всѣ досады, преперпѣнныя имъ въ Борисово время (7): ему вѣрили, но не долго.

Ошмѣнивъ новопши, введенныя Лжедимипріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Рос-

Обнародованныя грѣшны.

Г. 1606. сію о своемъ воцареніи и не оставишь въ
умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ:
послали всюду чиновниковъ знашныхъ при-
водишь народъ къ крестному цѣлованію, съ
обѣщаніемъ не дѣлашь, не говоришь и не мы-
слишь ничего злаго прошивъ Царя, *будущей*
супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкно-
венно, три дни звонить въ колокола, опъ
Москвы до Аспрахани и Чернигова, до Тары
и Колы, — молишься о здравіи Государя и
миръ отечества (8). Чисали въ церквахъ гра-
моты опъ Боярь, Царицы-Инокини Марѣи
и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ
потомкомъ Кесаря Римскаго). Описавъ дер-
зость, злодѣйства, собственное въ томъ при-
знаніе и гибель Самозванца, Бояре величали
родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви
и Государства. Марѣя свидѣтельствовала
Богомъ, что ея сердце успокоено казнію
обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ
своей любви и милости безпримѣрной. Обна-
родовали найденную во внутреннихъ комна-
тахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Рим-
скимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи
у насъ Лашинской Вѣры (9), запись данную
Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣ-
верскую землю, также допросы Мнишка и
Бучинскихъ, Яна и Спанислава: Мнишекъ
винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ
и самъ уже не могъ считать мнимаго Ди-
митрія истиннымъ, примѣшивъ въ немъ не-

нависсть къ Россіи, и для того часто впа- Г. 1606.
далъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе
объявляли, что Разсприга дѣйспвишельно
хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умерпвишь, 18
Мая, на лугу Срѣшенскомъ, двадцать глав-
ныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянь;
что Пану Рашомскому надлежало убишь Кня-
зя Мспиславскаго, Тарлу и Спадникимъ
Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять
всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Го-
сударспвомъ: свидѣтельспво едва ли доспой-
ное уваженія, и если не вымышленное, то
вынужденное спрахомъ изъ двухъ малодуш-
ныхъ слугъ, которые, желая спасти себя
отъ мести Россіянъ, не боялись клеветашъ
на пепель своего милоспвица, развѣянный
въпромъ! Современники вѣрили; но прудно
убѣдишь помпомспво, чтобы Лжедимишрій,
хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть
на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было
предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не
дали бы рѣзашъ себя какъ агнцевъ, и что
кровопролитіе заключилось бы гибелію Ля-
ховъ вмѣспѣ съ ихъ Главою.

Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, Вѣнчаніе.
въ храмъ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ
шоржеспвищенныхъ обрядовъ, но безъ всякой
распочительной пышности: корону Моно-
махову возложилъ на Василя Митрополишь
Новгородскій (10). Синклишь и народъ сла-
вили Вѣщеносца съ усердіемъ; гости и купцы

Г. 1606. опличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ споліцѣ (11). Не было ни милосшей (12), ни пировъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ кляшвопреспупниковъ Борисова времени (13), и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запресли именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожитъ сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственнo въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному спрадальцу Василюва криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи (14); *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*, Аѳанасія Влащева, сослали на Воеводство въ Уфу (15), какъ ненависнаго приверженника Разспригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванъ-городъ, впорому въ Казани (16); многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василий, говоритъ Лѣтописецъ (17), нарушилъ обѣщъ свой не мстить никому лично, безъ вины и суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Василий, какъ опытный наблюдатель прирдашилшняго гнуснаго ширанства, не хощаъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Вла-

Неудовольствія.